Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 зр. 20 кр. чвертр. 1 зр. 10 кр. на мѣсяцъ 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата еноа dол ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 8. Львовъ, 17 Лютого 1856. РОКЪ IX.

ДУМКА
АТАМАНА КОСИНСКОГО.

Гопъ-гопъ-коню вороненькій,
До челядки-до миленькой,
Разъ въ разъ близше,
Подъ ставбище,
Збѣжимъ передъ днемъ.
Отъ пятигоръ-поволочи
Тягнутъ хлопцы божой ночи
Шпарки чайки,
Наливайки,
Плюскаютъ днѣпремъ.

Реестрова гдесь дружина
Злетитъ духомъ до Чигрина,
Въ розголосѣ
Думъ, по росѣ
Мы стребуемъ силъ.
Стогла земля подъ вагою,
Стала пиломъ якъ хмарою,
Гура крики,
Голосъ дикій,
Лопотомъ згремѣлъ.

Го, го-въ степѣ, якъ зазналъемь
Татарина, не проспалъемь;
Згляну духомъ,
Мурзы слухомъ,
Где лишь орды шляхъ.
Не до ладу со мновь въ танецъ,
Саблю, спису зналъ поганецъ
Смерть и огонь
Моя погонь
Крилата якъ птахъ.

Видно-видко, онъ зъ подъ млаки
Мрѣютъ башты якъ маяки
И ватажко
Чутный Дашко
Бье тревогу въ звонъ;
Блѣде солнце въ хмары скрылось,
За кривецкій лѣсъ скотилось. —
Гопъ конику
Воронику
Хутше на вздогонъ.

Вже мя бѣлый дворъ пращае
Звонятъ трубки- стрѣльба грае,
А ратище
Вѣтромъ свище,
Солнцемъ свѣтитъ зброй!
А онъ стоитъ коло дуба,
Чорнобрива моя люба
И зъ розпуки
Ломитъ руки
Проклинае бой.

Чорныхъ очей жалься Боже!
Що теперь вже кто поможе,
Якъ короля
Свята воля
Скаже битись намъ?
Очисть вѣтре воздухъ зъ пилу,
Най подивлюсь разъ на милу
Стой-стой коню
Най ся склоню
Поцѣлуя дамъ.

Не плачь! звянутъ личка гожи
Смерть и житье въ руцѣ божой
Молись мила
Щобъ сья сила,
Заступила насъ.
Не плачь! шкода красы гожой
Вернусь здоровъ въ ласцѣ божой

Вернусь швидко
Що й невидко
Вернусь въ ранный часъ.

А якъ будешь еще спати
Стану въ голосъ цѣловати
Сплесну, свисну
Зброевь блисну
Зъ лица змыешь зной.
Го, го, гудитъ шумитъ война
Будь здорова и спокойна
Марна мова
Будь здорова
Гопъ, гопъ коню мой! —

Русинъ изъ Рима.

КОРЖБꙊРІЙ ПОПЕЛЮХЪ.

Казка народна.

Дивно ми не мало, же такъ за народныи казки не двaемъ; въ нихъ то дȣхъ дѣдовъ нашихъ такъ красно розцвилъ сѧ, въ нихъ то такъ много тайнъ оукрываесѧ; кобысьмы ихъ отгадали, ꙗкъ много цѣкавого довѣдалнкысьмы сѧ! Однако ктожь казки такъ оцѣнити хоче? — Ꙗкъ много межь нами такихъ, що ихъ за пȣстыи небылицы держатъ, та выдȣманы щобъ дѣти пȣжати!? — але тимъ они не сȣть. Въ нашихъ казкахъ придыбȣемъ много слѣдовъ давной славяньской вѣры, а вже томȣ заслȣжили на наше вниманье, и не одна своею внѣшною красою могла бы при найкраcшыхъ оутворахъ генïевъ нынѣшной добы оустоꙗти сѧ. Подаю Вамъ любимыи Родимцы однȣ такȣ казкȣ, неизмѣналъ емь въ вней ни одного слова гадаючи, же тое, що вѣки пощадили, моꙗ рȣка несмѣе розрȣшати.

Бȣлъ царь, малъ онъ трохъ сыновъ, два бȣли розȣмны а третый дȣрный; все сидѣлъ оу попелѣ, та сѧ бавилъ. Бȣли оу того царѧ надъ моремъ великïи статки жита — але що лишь за днѧ подросте, выйде въ ночи морске стадо, та все выпасе. Розȣмны хотѣли того коньче достеречи, та все тамъ на ночь ходили; але що ино прïйдȣтъ, оуснȣтъ а морске стадо выйде, та все выпасе. Повѣдае къ нимъ дȣрный.

— Ꙗно пойдȣ ꙗ разъ, чей ꙗ гдещо достережȣ,

— Иди дȣрный! иди! мовили розȣмны.

Ꙗле ꙗкъ сѧ взѧлъ напирати, ꙗкъ сѧ взѧлъ напирати, ажь го и пȣстили. Оттакъ пойшолъ онъ стеречи. Бȣла тамъ ꙗблонь; онъ вылѣзъ собѣ на ню, та зробилъ собѣ зъ тернины постель, и такъ наклалъ, (тȣ вказȣе оповѣдаючïй рȣкою, же высоко, ажь по головȣ) же що сдремае сѧ, то оуколе сѧ и сновъ продрȣхаесѧ. Такъ прïйшла полночь, вышло морске стадо, прïйшолъ конь съ звѣздовь, такïй блескъ отъ него вдарилъ — взѧлъ сѧ до ꙗблони чихрати. Коржбȣрïй ꙗкъ тое зазрѣлъ, сȣне сѧ, сȣне та вȣсѣлъ на конѧ. Переѣхалъ свѣтъ вздолжь та въ поперекъ, а конь промовилъ: „Теперь ты мой панъ, а ꙗ твой конь" — онъ оттакъ взѧлъ, завелъ конѧ до своей стаенки, и никомȣ ничь не повѣдае. Прïйшло рано пытаютъ его сѧ брата: „Ꙗ достерегъ есь? —

— Ꙗ достерегъ, тожь не такъ ꙗкъ вы.

И пойшолъ на дрȣгȣ ночь, сновъ вылѣзъ на ꙗблонь, зробилъ си постель изъ тернины, що сѧ сдремае то оуколесѧ, та продрȣха сѧ прïйшла полночь, выходитъ морске стадо, прïйшолъ конь съ мѣсѧцемъ, такïй ꙗсный, же не можь выповѣсти, сталъ при ꙗблонѣ, та чихраесѧ, а онъ сѧ сȣне, сȣне, та вȣсѣлъ на конѧ, переѣхалъ свѣтъ вздолжь и въ поперекъ, а конь промовилъ: „Теперь ты мой панъ, а ꙗ твой конь." Оттакъ

взѧлъ, завелъ конѧ до своей стаенки, а никомꙋ ничь неповѣдае.

Пойшолъ оттакъ ще и на третꙋ ночь; сновъ вылѣзъ на ꙗблонь, зробилъ си изъ тернины постель; що мꙋ замрѣе сѧ, то оуколесь, и сновъ сѧ продрꙋхае; прїйшла полночь, выходитъ сновъ морске стадо — приходитъ къ ꙗблонѣ конь съ сонцемъ; така ꙗсность отъ него вдарила — чихрае сѧ, чихрае, а Коржꙋрїй ꙗкъ зазрѣлъ, сꙋне сѧ, сꙋне, ажь и вcase на него — переѣхалъ свѣтъ вздолжь, та поперекъ а конь промовилъ: „Теперь ты мой панъ а ꙗ твой конь” оттакъ взѧлъ завелъ, и того конѧ до своей стаенки а никомꙋ ничь неповѣдае. Приходитъ до першого, дивитъ мꙋ сѧ въ одно оухо, а на немъ стало все золоте одѣнье; ꙗсность така вдарила — а подивитъ сѧ въ дрꙋге, то все изъ него спало; приходитъ до дрꙋгого конѧ, дивитъ емꙋ сѧ въ одно оухо, досталъ палашь такїй бꙋлатовый а подивилсѧ въ дрꙋге, тожь онъ сновъ сховалсѧ; а ꙗкъ сѧ третомꙋ въ оухо подивилъ, досталъ силꙋ дꙋже великꙋ.

Въ тотъ часъ малъ одинъ царь дꙋже краснꙋ кнѧгїню, та розписалъ листы по всѣхъ землѧхъ: где сѧ найде такїй кнѧзь, щобы до ней на коню на дрꙋгїй поверхъ скочилъ, той собѣ ю возьме. — Взѧли сѧ оба розꙋмныи ладити, а той дꙋрный все къ нимъ ходитъ, та сѧ пытае: Та где вы ѣдите, та чейбы и ꙗ съ вами поѣхалъ.

— Иди дꙋрный! иди! — та где тобѣ тамъ! —

А онъ вже втихъ; пойшолъ, та сѣлъ сновъ въ попелѣ.

(П. с.)

О АДМИРАЛѢ
ПАВЛѢ СТЕФАНОВИЧѢ НАХИМОВѢ
И о контра-адмиралѣ
ВЛАДИМИРѢ ИВАНОВИЧѢ ИСТОМИНѢ
(послѣ сербского)

* Нахимовъ подвигъ молодецкій
Свершилъ, какъ труженникъ солдатъ,
Незная самъ думою дѣтской
Какъ онъ былъ простъ великъ и святъ.

Въ рꙋско-тꙋрецкой войнѣ, погибло довольно много людей. Изъ одной и дрꙋгой стороны, могло около 300,000 мꙋжа пасти. Є то число оужасне!

Межи такъ многими людьми, могли погибсти люде избранны и великїи. Много отличающихсѧ людей пострадала въ ней Россїѧ, але найвысшїи межи ними на заслꙋженномъ степини славы, были: Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, адмиралы чорноморской фльоты, которы немогли, или нехотѣли пережити ей погибель.

Є то ратноморска рꙋсска тройца, котора во вѣки въ рꙋсской исторїи бꙋде сїѧти, тройца которой Россїѧ ни отжаловати ни отъискати не може.

Нахимова отецъ бꙋлъ то честный и моторный благородникъ. Заледвы могъ чимъ отецъ снабдѣти своего сына, то вжежь и прїймленъ былъ въ кадетскїй корпꙋсъ, пренадлежащїй къ маринѣ. Бꙋло то опредѣленою сꙋдьбою его, бо коли онъ вступилъ въ школꙋ тꙋю, бꙋла она поправлена или реформована. Адмиралъ Лазаревъ былъ надзиратель, или оуправитель той школы. Наставалъ онъ на тое, щобы питомцы того заведенїѧ скрѣпленны и оутвержденны бꙋли къ постоѧнности и рѣшительности моральной. Лазаревъ перестроилъ тꙋю школꙋ, и назвалъ ею „нравственна школа

* Такъ спѣваютъ Россїѧне о Нахимовѣ.

*

морска." Въ тȣю школȣ вступилъ Нахимовъ, и тамъ оказалъ онъ, що съ часомъ избраный быти може воинъ на морю. Оуталантованье его не могло неизвѣстне быти Лазеравȣ; онъ же былъ завсѣгда съ нимъ оудовольный, и до смерти любилъ его: кажȣтъ же якъ Лазаревъ малъ оумирати, онъ отъ постели его день и ночь не вставалъ, яко второго отца почиталъ, та и первый ридалъ надъ оусопшимъ, Нахимовъ съ своими дрȣгами, полȣчилъ призволеніе отъ царя, щобы надъ гробомъ Лазарева создана была церковь. Царь допȣстилъ оное, и скоро тамже церковь св. Владимира основана была.

Коль война межи Россіею и Тȣрками началась, Нахимовъ досяшолъ былъ вже доспѣлыхъ лѣтъ. Предъ всемъ былъ онъ неȣтомленъ въ совершенію должности своей и незналъ ничь оудобнѣйшого надъ тое, що пренадлежало до его слȣжбы. Свѣдомо каждомȣ, который времченописи читае якимъ свѣтомъ борба тая на морю розпочалася. Тȣрки возналѣряли подмятежити Черкесовъ сопротивъ Россіанамъ, и подсилали имъ кораблями своими орȣжія и харчь. Бисȣрманска флота снаряжала таковы приносны корабли. Часто запȣскался Нахимовъ въ чорное море изъ Севастополя. Сȣхопȣтны войска сражалися надъ Дуиаемъ; Нахимовъ рѣшился сразитися съ Тȣрками и на морю. Съ нисколько великими кораблями пȣстился онъ на бисȣрманскȣ флотȣ, прибачилъ що она хоронилась въ синопскомъ пристанищȣ, оказался передъ престанащемъ, и розпочалъ борбȣ. Якъ окончилось сраженіе тое довольно тое сказати, що Россіане про тотъ день подъ Синопою, праведно назвали Нахимова—Синопскій юнакъ." Всѣ бисȣрманскы кораблиплавцы погибли; тȣрецкій адміралъ съ многими тȣрчинами попался изъвленъ, но живый Нахимови въ рȣкȣ.

Появившася велика англійска и французка флота въ чорно-морю, оупоминȣла Нахимова ожидати въ Севастополю на кораблахъ своихъ сраженія союзниковъ на морю. Но коли союзники всеми силами рѣшились на Севастополь натирати, рȣська флота оуишла съ своими, адміралами, въ котромъ то оуходѣ хороброеть оказала, но при томъ и много пострадала. Найперше погибъ Корниловъ, послѣ него Истоминъ. Нахимовъ же розсмотрѣвши росположеніе рѣчи, приладился на смерть, и на передъ велѣлъ гробъ себѣ снарядити. Когда погибъ Истоминъ, похоронилъ его въ свой гробъ. Кажȣтъ, що Нахимовъ желалъ героично оумерти, и домагался про тое оу головныхъ начальниковъ призволенія, сразитися въ ратной стрѣчи съ западною флотою; божь коли погибати мае, тожь нехай погибне яко морскій юнакъ. Князь Горчаковъ непризволилъ къ томȣ. Послѣ, въ оборонѣ Севастополя былъ онъ не оутомленный.

Минȣвшого 1855 рокȣ, въ день святого Петра и Павла, именника его, когда союзники, найдȣжше бомбардовали на окопъ Малаковъ, переглядалъ онъ батеріи на томже шанцȣ. Мовъ градъ сипалися неприятельскіи кȣли. Онъ найспокойнѣйше справлялъ свой обзоръ. Присȣщны оупоминали и отверталы его отъ опасного мѣстця, але Нахимовъ, не хотѣлъ ничь знати про опасность. Всемȣ присмотрикался онъ, и благодарилъ воиновъ за ихъ ревность. Жилаючи видѣти дѣйствіе рȣсского стрѣлива, вступилъ на шанцъ такъ, що половина тѣла наражена бȣла пȣшкамъ неприятельскимъ. Кȣли свистали о его слȣ-

химъ, но онъ не звачалъ на тое, но присмотривалса. Заледви що выповѣлъ: „до насъ хорошо стрѣляютъ,“ оуцѣлила его куля въ лѣву сторону чела, оттакъ въ око, що и померъ отъ той язви въ день иманинъ своихъ.

По желанію его, похороненъ булъ побочь Лазарева, Корнилова и Истомина въ церквѣ св. Владимира, котора неоконцершена осталась. Є то оказательный и дуже рѣдкій гробъ; въ нимъ похоронены суть чотире рускіи витязи,, которы избраными были въ государствѣ своемъ и которыми человѣчество гордитися моглобы.

Въ той войнѣ погибло больше енераловъ изъ одной, и другой стороны, но ни одинъ зъ помежи нихъ не доспѣлъ такъ великои славы, якъ поманута руская тройца. Благо землѣ, котора такихъ людей плодитъ, но тоскно ей сли ихъ страдати муситъ.

О Истоминѣ говорятъ руски временописи, що онъ якъ вѣчный сторожь стоялъ на окопахъ Малакова, ни когда бо не отдалялся. Рускіи войска любили его про доброту, послѣдный кусъ хлѣба дѣлилбо съ нимн. При томъ неустрашимый, такъ храбрый булъ, що и въ приповѣдку оудался. Где найбольша опасность була, тамъ онъ безъ розгаду кидался. Рускіи войны говорили о немъ: нашъ адмиралъ иде въ огонь, якъ бы малъ сто головъ. Але юнацка доля не долго ему служила. Коли дня 7. Марта 1855. изъ окопа Камчатки, оу окопъ Корниловъ ишолъ, оударила его непріятельска куля пушкова, и розтрѣскала ему голову.

Хоробры суть рускіи войска, але черноморски вояки превосходатъ инныи. Они сдѣлалися гордостію Россіи. Алежь буди и такіи суть войска, Россія не отболѣе, когда имѣла такихъ начальниковъ, оуправителей, якъ булъ Корниловъ, Нахимовъ, и Истоминъ. Такіи люди рѣдко коли зновъ полаватся, а Россія, хотяй она єсть велика, тажко, нагородитъ собѣ тое, що въ нихъ пострадала, но на томѣсть за всегди буде величатися ними.

КАРТАРЪ

образецъ изъ жита городского.

(продолженіе)

— Хороша прехорошая гадка! пять сотъ золотыхъ реньскихъ неприлучится такъ скоро загорнути; о карты, карты образки не отокменны! житье человѣка изъ образцевъ сложене; мѣшаютъ и мѣняются, а не на одинъ образецъ человѣкъ скривится, якъ бы ему до десать безъ адута чотирохъ тузовъ нетавало. Ха! ха! ха! найистинѣйша философія. — И я колись булъ слѣпый, коротко-умный не прибачный хлопакъ и думалъ же честь лишь въ праведномъ одраню чужой кишенѣ, въ оузаконненомъ преходѣ гроша зъ руки до рукъ; но днесь — днесь мы такожь свои законы имѣемъ — законы присохтованы своему предмету, оживляючи и одержаючи свой предметъ и я колись на слѣпе щастье сѣдалъ при мѣсяци на колодѣ до простого преферанса, такъ подумалъ собѣ Стулскій, и въ томъ напрасно отворилися дверѣ, — войшолъ оурадованый Корнилій.

— Тожь ты дома, дома Антосю! скрикнулъ онъ помитавши капелюхъ и кинувшись оустискалъ сухого товариша.

— А стой но, оставъ, божь и покришишь менѣ кости. Чи пойдешь сей часъ до слюбу съ твоєю Розаліою, чи що тамъ оу лиха, же гакъ сполна оурадовался, якъ бы сталъ дѣдичемъ чотирохъ селъ и о-

дного городка, мокилъ сȣхій, освобожаючись отъ такъ искренныхъ любованій розгорѣлого дрȣга.

— Ахъ мой Антосю! мой любый не оцѣненный Антосю! ты ничь незнаешь. ничь не понимаешь; — тожь ѧ — ѧ забралъ головȣ паннѣ Розаліи, що и прабабки оусторогы не выкȣрилибы мене изъ ей памѧти. А панъ Малчинскій — бачно! тȣтъ довбȣлъ пȣларесъ и 500 золотыхъ ренськихъ оказались въ прелюбыхъ образкахъ длѧ не, насыченого въ томъ отношеню ока.

А не казалъ ѧ! а не казалъ ѧ! видишь Корнилій? ѧ — ѧ привелъ до того, но ты... —

— Охъ мой любый Антосю! не отвдачȣсѧ тобѣ за тое, хиба ѧкъ сдѣлаюсь паномъ, а ты во вѣкъ останешь сѧ при менѣ, правилъ по вторый разъ оустискаючи.

— Но — но — но! все тое хорошо; радȣюсь, що такъ добре идȣтъ твои любашки; но ты — ты, знаешь що ѧ тожѣ вповѣлбы? закинȣлъ картарь, и надалъ собѣ прелестной подобы, же подȣмалбись, що онъ въ мысль товариша своего закрастисѧ хоче.

— Кажи! ѧ слȣхаю.

— Нȣ отжежь, отжежь; ты человѣкъ легкодȣшный Корнилій, 500 золотыхъ ренськихъ, то такъ ѧкъ бы поклалъ голодномȣ котови сало, самъ отойшолъ а кота лишилъ коло сала, мѣркȣешь?

— Етъ! етъ! тажь ѧ вѣдай не дитина, ѧ бачилъ вже сотокъ и не только!

— Но, но, добре дȣже добре, хорошо и прехорошо, но ѧ радилбы, щобы ты поклалъ тихъ 500 золотыхъ ренськихъ, мѣркȣй же! тихъ 500 золотыхъ ренськихъ кажȣ до скринчины и по всемȣ.

— Антоній ты покепкȣешь собѣ зъ мене.

— Я? Храни Боже! ѧ ражȣ, а ты, ты ѧкъ си схочешь; не треба довѣрати чортоки, часомъ щось оучинитсѧ, а потомъ и не въ часъ, и тѧжко отболѣти, розȣмѣешь?

— Нѣтъ! встыдаюсь о томъ и подȣмати; вжежь чей колько розȣмȣ маю, щобъ не пȣстилъ на вѣтеръ чȣжіи, повѣренны гроши, озвалсѧ рѣшително Корнилій, ѧкбы цигаровыи паперцы посгорталъ до пȣлареса банкноты, и поклалъ до прибочной въ сердȣтѣ кишени.

— Ахъ! отъ! такъ лихо не дȣмай, а же менѣ наплыло щось такого на гадкȣ, то лишь перестерегаю, знаючи що не розгнѣваю дрȣга токовь дрȣжесковь оупоминковь. Вжежь то свой грошь ѧкъ свой, може пойти, кȣда емȣ дорога стелитсѧ, але съ повѣренными грошьми, треба прибачно носитись, либо сей часъ дорȣчити, правилъ картарь лестно оусмѣхаючись.

— Благодарю мой дрȣже за твою призорность, но ѧ найбезпечнѣйшій, сли ихъ при собѣ зарержȣ; теперь нетерѧймы часȣ на пȣстой розмовѣ, но пойдѣмъ, пойдѣмъ оувеселитисѧ сполна нынѣшной днины.

— Го! го! Корнилій, а чи не желаешь ты днесь справити стипȣ по небожцѣ сотцѣ, которȣ батько вынѧлъ собѣ зъ под сердца, щобъ догодити лишь жаждѣ своего сына?

— Ей та сотка, сотка, правда же то вчера сотка — вздохнȣвши озвалсѧ молодикъ.

— Пойшла ѧкъ полова, лишь не съ вѣтромъ, но въ лȣчшіи рȣки, доложилъ Стȣлскій наложивши капелюхъ и ѧвши за двери.

Корнилій подвлъ на свѣчкѹ, и право пошли до мѣста.

VI.

Голосно и полнымъ звѹкомъ оударила десята година, мкъ бы повелѣваючи! идѣтъ домовь кто честный, та не волочѣтся съ нечистыми гадками по мѣстѣ, доволѣ шалѹ, доволѣ дврійки, божь и не одинъ зъ васъ проклине самъ свои ноги и сторожа, сли не поквапится отомкнѹти затворенѹ брамѹ. Сѹть люди, которыи къ ночи починаютъ жити. (П. с.)

Литературны известія.

Въ Будишинѣ (Bautzen) въ Саксоніи померъ председатель лужицко - сербской матицы др. Адольфъ Клинъ, который велики заслуги про лужицко-сербскую литературу и пробужденіе славянской народности въ тихъ понѣмченых краяхъ, вообще положилъ.

* Типомъ І. Спурного въ Празѣ вышла книжечка сочинена Иваномъ Прибикою, учителемъ въ Высочанахъ, подъ заглавіемъ: Поученія и забавы для цвѣтущой молодежи, обого пола. Також де вышло второе сошитье часописи „Школа, а животъ."

* Отъ скваппого соработателя Люмира госп. І. К. выйде якъ найскорше у Ярослава Поспишиля сборникъ ческихъ народныхъ повѣстей; гдекотры были въ Люмирѣ намѣщены.

Горскіи новости.

Случилось разъ въ одномъ горскомъ селѣ, що добрый и маючій господарь Василій доставши запоры въ внутри тяжко занепалъ. Бѣдная женочка не ждала долго чужой рады и помочи, имѣючы бо власную аптеку въ своей хатѣ, потребовала лишь руки до дѣла приложити, щобъ лѣки живцемъ станули; якъ тое обыкновенно у всѣхъ нашихъ селяновъ дѣеся, що въ слабостяхъ ажь тогда до опытного и свѣдомого лѣкаря удаются, когда душа уже на рамени сидитъ — Итакъ стала приготовляти. Сажу, кислякъ и чеснокъ, яко три основны части дала разомъ до горшка, а все тое добре розтерши на саламаху, за часокъ вже и готова була ужасная микстура. Съ улегченнымъ сердцемъ приближаеся къ своему паціенту мовлячи: „Пій милый мужу, сей лѣкъ на добрый вѣкъ!" Но якже горко обманулась! Слабый почалъ по хвилѣ чорнѣти, безъ мысли и бесѣды лежалъ на постели майже закостнѣлый. Въ томъ несчастю удаеся горестно обманенная женщина до Панотца; слышала бо, що имѣе якіись тамъ горошки на розвольненіе. „Ахъ Панотче! ратуйте, съ слезами мовила, человѣкъ мой гине, а може вже и на вѣки застигъ! — Панотецъ выслухавши цѣлу исторію до конца, насамперѣдъ самъ больного посѣтилъ, потомъ же выслалъ своего дяка съ моризонами и клистирою, который ведля наставленій своего священника все точно исполнилъ. Не минуло тыждень, а божая воля съ помочею Панотца спасли Гуцула отъ очевидной смерти такъ, що въ святую недѣлю уже самъ до церкви пойти смогъ. По службѣ божой повернулъ, имѣючи якоесь дѣло до своего Панотца. „А що тамъ Василю! пытался возрадованный Панотецъ, помогли ти мои горошки?" — Хрань Боже! отговорилъ Гуцулъ, щожьбы такіи малы горошки помогчи могли?... — Отъ! горѣлка помогла ми, котóрую ми моя жена квартою подала, когда я уже немножко очунулся!!! Отже горѣлка то жизнь, то здоровье! Спомнишь русскому селянину, що ученый міръ выдумалъ славный и загальный лѣкъ, Revalenta arabica — то тя высмѣе; бо нащожь въ чужину сягати, а своего питомого покидатись? Самъ даже некрещенный арендаторъ есть того мнѣнія, когда честной громадцѣ въ корчмѣ сердечно проповѣдае: „Горѣлка то одинѣсенькій лѣкъ на смерть!?"

Никола Гуцулъ

Всячина.

* Въ теперѣшнихъ часахъ появляются все больше и больше благовознамѣряющихъ стоваришеній; въ томъ смыслѣ завязуеся и въ Вѣдни общество тамошнихъ женщинъ, которе положило собѣ въ задачу, дѣти убогихъ роботниковъ зимою тепловь одежею пріодегати, котору самыи будутъ куповали. Подобныхъ стоваришеній и мы не въ одномъ отношенію требны; хотяй и крыхта ихъ существуе — забальзамовали дѣйствіе свое на часы, колибъ и бѣдѣ легше дыхати припало.

* Ажіо сребра чим разъ значнѣйше упадае; спорыи сумы приносятъ селяне до Вѣдня на продажь; въ послѣднихъ днахъ принесъ одинъ селянинъ 15,000 сороковцовъ до змѣняня на банкноты.

* Минувшого року 1855 выносилъ тискъ грошей по всѣхъ ц. к. австрійскихъ монетныхъ урядахъ 29,000,000 зр. въ золотѣ, а 4½ миліона въ сребрѣ; разомъ 33½ мил. рень.

* Дня 28 Сѣчня, завалилась церковь армяньска въ Царьгородѣ, и 30 особъ на смерть побила.

* Въ Лондинѣ померъ не давно тому такъ великій вельможа, що 150,000 злр. коштовалъ самъ штемпель до тестаменту.

* Дня 17. Лютого померъ въ Парижѣ, найславнѣйшій зъ помежи теперѣшнихъ нѣмецкихъ поетовъ, великій сатирикъ Гайнрихъ Гайне.

* Лондинское библійное общество, издае новоисправленый переводъ библіи на хинскій языкъ, под председательствомъ Медгурста, ученого въ каждомъ взглядѣ мужа. Тое новое изданіе имѣе со всѣмъ способу жизни Хинчика, который якъ вѣдомо, на скрозь и въ мысли и въ бесѣдѣ матеріалистовь есть, отповѣдати Сыны бо Іаоа и Шуна, непонимаютъ що то значитъ откровеніе, слова: Богъ, сотворитель, душа, духъ, провидѣніе въ смыслѣ отъ вещества независимого естества, не знаходятся у нихъ. Такожь не знаютъ, що то священникъ, пророкъ, духъ святый, и прочіи іерархіи, о чудесахъ же мыслятъ Хинчики, якобы ужасными были, и лишь несчастье вѣстили. Новый завѣтъ того изданія есть совершенъ, и еще тамтого года выпечатанъ.

ПОСМЕРТНА СПОМИНКА.

Споглянувши на побратимцовъ нашихъ, видимъ якъ хоснуются заведеніями, общеполезными основаніями, видимъ якъ ихъ внукамъ, правнукамъ, отворены суть жерела, зъ которыхъ черпати могутъ науку, образованье, крѣпость, имя и достоинство яко члены многородинного народа, въ службѣ которого себе здобными, и требованіамъ теперѣшнихъ спошеній отповѣдными сдѣлати стараются. Были знакомыи мужи, искренныи народолюбцы, припрятавшіи за житя маетовъ, и тіи то мужи, жертвуючи плодъ тяжкой своей працы общому благу вѣчно вписаны суть въ сердцѣ народа, о которого дбали. И щоже мы бѣдны русины, не имѣючи заможныхъ вельможъ, не имѣючи средствъ, щоже мы думаемъ починати? Долго пробувалисьмы въ моровомъ снѣ, якій спалъ былъ на духа нашого, а теперь очунялисьмы, щобъ прійти до совѣсти власной нужды. Но нѣтъ! небесный отецъ нашъ, который дозволилъ намъ перебути такъ многіи и тяжкіи бѣдствія, и на насъ бачитъ печаливымъ окомъ.

Михаилъ Туржанскій, русинъ зъ дѣда зъ прадѣда, правникъ и посѣдатель двохъ маетностей въ Львовѣ, переживши 70 лѣтъ, послѣдновь волевь своевь записалъ цѣле свое имѣнье на Институтъ Ставропигіанскій, особенно же на бѣдны сироты русскіи, намѣщаемы въ такъ званой Бурсѣ, обучающіися въ пѣнію и школьныхъ наукахъ. Цѣль и намѣренье запису того, который отчисливши легата и долги на 10.000 выноситъ, есть тое, щобы получшеный и поднесеный былъ бытъ тихже сиротъ.

Михаилъ Туржанскій по тяжкой болѣзни дня 10го. Лютого перенесся въ вѣчность.

Честь, вѣчная память и подяка нехай буде ему въ сердцахъ народа нашого, которого бѣдностію онъ не повстыдалъ ся; имя его вѣчно въ тямцѣ поколѣня жити буде. Тожь и мы не оставлены самы собѣ, не лишены великодушія и пожертвованья соотечественниковъ нашихъ. Имѣемъ надѣю, же и нашь бытъ съ часомъ получшится, же и мы дождемъ ся заступниковъ и поборниковъ нашихъ: честь и вѣчная память усопшому ревнителю М. Туржанскому!

Тvпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.